

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

С. М. АБРАМЗОН

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА СБЛИЖЕНИЯ НАЦИЙ НА СЕМЕЙНО-БЫТОВОМ УКЛАДЕ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

В новой Программе Коммунистической партии Советского Союза глубоко освещены важнейшие проблемы, связанные с развитием национальных отношений в СССР. Выдвинутые партией задачи в области национальных отношений являются выражением курса «на дальнейший экономический и культурный расцвет советских республик, еще более тесное и всестороннее сближение наций в ходе развернутого коммунистического строительства»¹.

Объективные процессы сближения социалистических наций и народностей, усиления их взаимовлияния и взаимообогащения, упрочения дружбы между ними происходят уже давно, они непрерывно расширяются и углубляются. Создание материально-технической базы коммунизма, в которое вносит свой вклад каждая советская республика, все в большей степени способствует развитию братского сотрудничества и взаимопомощи народов СССР, укреплению интернациональных уз между ними. Усиление взаимного обмена материальными и духовными ценностями между советскими нациями ведет к развитию общей для них интернациональной культуры. Переход к коммунистическим общественным отношениям будет оказывать многостороннее влияние на процесс сложения общих для советских людей разных национальностей коммунистических черт культуры, морали, быта, их духовного облика.

Все эти факторы экономического, общественного и культурного развития советских наций, характерные для периода развернутого коммунистического строительства, не могут не затронуть и таких сторон быта, как брак и семья. Они находят, в частности, свое выражение в росте числа браков между представителями различных национальностей и образования смешанных в национальном отношении семей.

Увеличение числа таких семей не может рассматриваться как преходящее явление. Оно глубоко затрагивает одну из тех областей быта, которые претерпевают относительно более медленные изменения, чем другие. Хотя процесс образования смешанных семей, имеющий, несомненно, прогрессивный характер, находится еще на начальной стадии своего развития, он свидетельствует об установлении новых национальных

¹ Н. С. Хрущев, О Программе Коммунистической партии Советского Союза. Доклад на XXII съезде КПСС 18 октября 1961 г., «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 190.

взаимоотношений, об изживании былой национальной замкнутости и изолированности, о преодолении религиозных предрассудков².

Важнейшими предпосылками возникновения этого явления послужили осуществление ленинской национальной политики партии, ликвидация былой вражды и отчужденности народов, насаждавшихся господствовавшими классами, разрушение воздвигавшихся веками искусственных перегородок, национальных и расовых, возникновение доверия и дружбы между народами, широкое распространение идей интернационализма.

* * *

В. И. Ленин еще в 1903 г. писал: «Проклятая история самодержавия оставила нам в наследство громадную *отчужденность* рабочих классов разных народностей, угнетаемых этим самодержавием. Такая отчужденность есть величайшее зло...»³. Преодолевая насаждавшуюся царизмом отчужденность между рабочими разных народностей, рабочий класс России, руководимый интернационалистической большевистской партией, довел до успешного конца борьбу с самодержавием, с капитализмом.

Особенно сложной была обстановка на национальных окраинах России, там, где подавляющую массу населения составляло крестьянство. Хотя трудовые крестьянские массы местных национальностей, бок о бок с которыми во многих районах были расположены крупные массивы русского и украинского населения, не раз объединялись с местными рабочими и с наиболее угнетенной частью русского крестьянства для совместной борьбы против царизма и собственных эксплуататоров, хотя, наперекор политике царизма, дружба между народами и находила проявление в разных формах, все же отчужденность и недоверие были в прошлом характерны для межнациональных отношений.

В числе тех окраин России, где национальные отношения приобрели большую остроту, были Средняя Азия и Казахстан. Сложность этих отношений была обусловлена прежде всего колониальной политикой царизма. Безраздельное господство среди местного населения реакционной идеологии ислама и сильное влияние мусульманского духовенства также сказывались самым отрицательным образом на национальных отношениях. Религиозная нетерпимость ислама усиливала антагонизм между национальностями, относившимися к разным вероисповеданиям.

Согласно религиозным установлениям ислама и указаниям, содержащимся в комментариях мусульманского права, допускался брак мусульман с женщинами «китаби», т. е. признающими писание и пророков (к ним относят христиан и иудеев)⁴. Однако мусульманское духовенство воспитывало у трудящихся местных национальностей убеждение в том, что браки с иноверцами являются грубым нарушением шариата. Вступавшие в такие браки подвергались преследованиям.

Иное положение существовало в отношении браков между лицами разных национальностей, исповедовавшими ислам, хотя и такие браки не имели широкого распространения. Они практиковались в основном

² Специальных исследований по вопросу о распространении смешанных браков у народов Средней Азии и Казахстана до сих пор не проводилось. Имеющиеся этнографические материалы носят крайне фрагментарный характер. Систематический сбор таких материалов — дело ближайшего будущего. Задача настоящей статьи — привлечь внимание этнографов к этой важнейшей проблеме. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность Т. А. Жданко, Е. М. Пещеревой, Н. А. Кислякову, Л. Ф. Моногаровой, О. А. Корбе за сделанные ими ценные замечания при чтении рукописи, а также всем лицам, сообщившим о своих наблюдениях.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 420.

⁴ «Хидаят», Комментарий мусульманского права, под ред. Н. И. Гродекова. Ташкент, 1893, т. I, стр. 142; Н. С. Лыкошин, Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения, вып. I, Пгр., 1919, стр. 116.

в районах близкого соприкосновения местных национальностей. Так, В. Наливкин сообщает⁵, что узбеки охотно брали жен из числа киргизок, считая их домовитыми хозяйками. Но такие браки не были особенно частыми, так как калым за киргизскую девушку был выше, чем за узбекскую. М. А. Бикжанова также отмечает, что случаи женитьбы узбеков на киргизках и таджичках были немногочисленны. Еще реже выходили узбечки замуж за киргизов и таджиков. В Ферганской долине имели место в прошлом и браки таджиков с узбекскими и киргизскими девушками, но они были сравнительно редки. Таджикские баи иногда брали киргизских девушек в качестве вторых или третьих жен, с тем чтобы они ухаживали за скотом⁶.

В прошлом встречались браки между казахами, с одной стороны, и узбеками, киргизами, с другой. В результате хозяйственных, бытовых, а также брачных связей между казахами и узбеками в Ташкентском оазисе образовалась даже конгломератная этнографическая группа под названием «курама».

Имели некоторое распространение браки казахов с татарами. В «Записках Шульбинского миссионера иеромонаха Сергия за 1893 г.» отмечается, что «беглых татар приписали к киргизам (казахам.— С. А.), они поженились на киргизках — и получились челоказики (правильнее — чалаказики.— С. А.). Очень многие не попали в деревни и остались в степи среди киргизов»⁷.

Между казахами и киргизами вплоть до середины XIX в. систематически повторялись взаимные набеги, предпринимавшиеся в интересах феодальной знати обеих сторон. Тем не менее брачные связи между этими народами носили в некоторых районах устойчивый характер. Среди родоплеменных групп киргизов встречаются ведущие свое происхождение от киргизско-казахских браков⁸. У киргизов существовали в прошлом брачные связи и с этнографической группой «тюрк», населяющей Южную Киргизию, с местными татарами (в Прииссыккулье). По сообщению аспирантки Т. Баялиевой, производившей записи на Тянь-Шане, браки киргизов с представителями других национальностей были очень редки, особенно среди беднейшей части населения. Лишь некоторые баи брали в жены дочерей богатых узбеков и казахов из соседних районов. Трагична история киргизской девочки Чюрпё, проигранной в 1907 г. ее отцом в карты богатому купцу узбеку Мамбеталы Бактыгулову и ставшей в 11 лет женой дряхлого, 83-летнего старика⁹. Были случаи браков киргизов с калмычками. Браки с девушками-мусульманками не встречали осуждения. Но выход киргизской девушки за иноверца считался большим позором. Такую девушку (как и ее мужа) ожидала смерть от рук ее родных. За казаха или узбека, если он жил среди киргизов с детства или по крайней мере очень давно и усвоил их обычаи, киргизские девушки выходили замуж беспрепятственно, так как на такого казаха или узбека киргизы смотрели как на своего.

Каракалпаки приморских районов Хорезма имеют давние брачные связи с соседними группами казахов¹⁰. У ферганских каракалпаков считалось возможным жениться на девушках других национальностей

⁵ В. Наливкин, Киргизы Наманганского уезда, газ. «Туркестанские ведомости», 1881, № 20.

⁶ Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русяйкина, Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, Труды Ин-та этнографии АН СССР, Новая серия, т. XXIV, М., 1954, гл. III (автор — Е. М. Пещерева), стр. 174.

⁷ «Православный благовестник», 1894, т. I, № 3, февраль, кн. I, стр. 104.

⁸ См. С. М. Абрамзон, Этнический состав киргизов северной Киргизии, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М., 1960.

⁹ Этот факт был записан преподавателем Зайнахан Белековой в 1949 г. со слов самой Чюрпё Байзаковой.

¹⁰ Т. А. Жданко, Быт колхозников рыболовецких артелей на островах Южного Арала. «Сов. этнография», 1961, № 5, стр. 42—43.

(обычно на узбечках). Однако выход замуж девушки-каракалпачки за узбека осуждался общественным мнением¹¹.

Большой нетерпимостью к бракам вне своей среды, даже с единоверцами, отличались две группы населения Средней Азии: дунгане и местные среднеазиатские арабы. Для дунган, как об этом сообщил нам Г. Г. Стратанович¹², была характерна строго соблюдавшаяся «земляческая» и национальная эндогамия. Нарушение «земляческой» эндогамии (даже до середины 1930-х гг.) было возможно только при условии брака похищением по предварительному сговору. Браки же с женщинами иного вероисповедания (киргизками, казашками, уйгурками) допускались только при наличии первой жены-дунганки или в случае крайней бедности мужчины.

Строго оберегалась в прошлом чистота браков и среди арабов. Браки арабов с женщинами других национальностей в некоторых местах преследовались, случаи смешанных браков не имели сколько-нибудь широкого распространения¹³. Это объяснялось обособленностью арабов от окружающего населения, а также тем, что арабы считали себя «аристократической» группой среди местных мусульман.

В виде редкого исключения наблюдались в дореволюционное время случаи женитьбы среднеазиатских цыган на узбечках и таджичках¹⁴.

В целом же почти все смешанные браки у народов Средней Азии и Казахстана происходили в одной и той же мусульманской среде, поэтому никаких препятствий для них с религиозной стороны не было. Но существовали препятствия другого рода — бытовые. Они мешали широкому распространению смешанных браков. По словам Е. М. Пещеревой, оседлое население неохотно выдавало девушек за кочевников. Даже в пределах своей народности избегали отдавать замуж девушек в далекие места.

Но еще сложнее обстояло дело в отношении брачных связей с соседними народами, не исповедовавшими ислам. Это прежде всего относилось к появившемуся в некоторых районах Средней Азии (особенно на территории Киргизии) и Казахстана после их присоединения к России русскому и украинскому крестьянству, образовавшему местами крупные и компактные группы населения. Несмотря на прогрессирующее хозяйственное сближение народов Средней Азии и Казахстана с пришлым русским и украинским населением и на зарождение многообразных дружественных связей в трудовых слоях местных национальностей и русских, вступление в брак с русскими как с иноверцами считалось, как указывалось выше, предосудительным, позорным, недопустимым поступком, осуждаемым прежде всего с религиозной точки зрения. Разумеется, культивировавшаяся царизмом и господствовавшими классами вражда и отчужденность между народами тоже играли свою отрицательную роль, препятствуя возникновению брачных связей между местными национальностями и русскими и украинцами.

По сообщению Е. М. Пещеревой, «в очень редких случаях браков с русскими в дореволюционное время, русские женщины почти всегда при этом переходили в мусульманство, а брачный обряд совершался по обычаям той местности, где происходил брак»¹⁵. В дореволюционной литературе описан характерный эпизод, относящийся к 1909 году. Ходжентский таджик Ачильбай Адильбаев поплатился тюрьмой за любовь к

¹¹ Л. С. Голстова, Каракалпачки Ферганской долины, Нукус, 1959, стр. 114.

¹² См. также Л. Шинло, Социалистический быт колхоза имени Фрунзе Кантского района Киргизской ССР, Автореферат диссертации, Фрунзе, 1955, стр. 10.

¹³ И. Н. Винников, Арабы в СССР, «Советская этнография» (сборник статей), т. IV, Л., 1940, стр. 18.

¹⁴ См. М. А. Бикжанова, Семья и положение женщины в колхозах Наманганской области, Автореферат диссертации, Ташкент, 1959, стр. 15.

¹⁵ См. «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства», стр. 174.

русской женщине, несмотря на то, что это был сын местного богача¹⁶. Женщина, в которую влюбился Ачильбай, хотела перейти в мусульманство, но настоятель местной церкви добился ее отказа от этого намерения.

Появились слухи, что Ачильбай готов принять православие. Тогда вмешался местный казий (народный судья), который приговорил Ачильбая за нарушение шариата и за то, что он, Ачильбай, живет гражданским браком с русской женщиной, к шестимесячному тюремному заключению. Протест уездного начальника, к которому обратился потерпевший, не дал результата. Самаркандский окружной суд оставил приговор в силе. Так окончилась попытка вступить в брак с русской женщиной.

Не менее тяжелые испытания выпали на долю русской крестьянской девушки Анастасии Кулагиной и киргизского юноши Мукамбета Раимбекова, попытавшихся в 1914 г. наперекор существовавшим взглядам и обычаям соединить свою судьбу¹⁷. Полюбив друг друга, молодые люди решили бежать, рассчитывая, что в горах, среди киргизов и казахов, они найдут убежище и спасутся от преследования. Розыски бежавших были организованы при участии властей (в том числе начальника Пржевальского уезда). Через месяц они были пойманы, привезены связанными в Пржевальск и заключены в тюрьму (Анастасия — за отказ отречься от мужа). Вскоре родители девушки взяли ее из тюрьмы под свое наблюдение, а Мукамбет, не пожелавший принять христианство, был выпущен из тюрьмы только через два месяца. Спустя некоторое время молодым людям удалось снова бежать. Они жили среди казахов, работая батраками у бая. Их опять обнаружили. Мукамбет оказался в тюрьме, Анастасия — под замком у родителей. Убежав в третий раз, они скрывались у родственников Мукамбета. После поражения киргизского восстания в 1916 г. молодая пара вместе с другими киргизами бежала в пределы Китая. Вернувшись после Февральской революции 1917 г. на родину, молодые люди впервые получили возможность жить своей семьей, не подвергаясь преследованиям. Но их счастье было недолгим. Вооруженные кулацкие банды учинили расправу с участниками восстания. Погиб и Мукамбет. В 1918 г. Анастасия вступила во второй брак с С. Арботоевым.

В районах Прииссыккуля нам приходилось слышать, что среди киргизского населения в прошлом встречались отдельные, уже совсем окиргизившиеся русские женщины. От браков с киргизами у них имелись дети. Существовали единичные случаи браков русских с киргизскими женщинами. Об одном из них сообщает Г. К. Гинс:

«В селении Ново-Покровском Пишпекского уезда разговорился я с хозяйкой.

— Горе у меня, барин, большое.

— А что?

— Сын убежал к киргизам, а сам-то (муж) его проклял и обещался убить.

И рассказала мне, как сын все ездил к киргизам, как они его поили и кормили, как он влюбился в киргизскую девку и как «убег». Киргизы скрыли его. Дали много скота, поженили и отправили на озеро Иссык-Куль»¹⁸.

¹⁶ Н. С. Лыкошин, Указ. раб., стр. 114—116.

¹⁷ Во время полевых работ Киргизской археолого-этнографической экспедиции в 1953 году Анастасия Дмитриевна подробно рассказала нам историю своего брака с Мукамбетом. Она проживала в то время в сел. Талды-Суу Тюпского района (Прииссыккулье), ей был 61 год. Присутствовавший при нашей беседе с нею сотрудник экспедиции М. Айтбаев опубликовал этот рассказ в своей книге «Историко-культурные связи киргизского и русского народов» (Фрунзе, 1957, стр. 124—126).

¹⁸ Г. К. Гинс, В киргизских аулах (очерк из поездки по Семиречью), «Исторический вестник», 1913, № 10, стр. 332.

Некоторое число браков казахов с русскими женщинами было результатом деятельности существовавшей в 1890-х гг. в Казахстане «Киргизской духовной миссии». Тем из казахов, которые были обращены миссионерами в православную веру, не чинилось препятствий для вступления в брак с русскими женщинами. По сообщению одного из миссионеров, на Зырянском руднике из 30 новоокрещенных казахов восемь «пожелали на русских, живут своими избами»¹⁹. Но стоило русской девушке пожелать принять ислам, чтобы выйти за мусульманина, как на ноги поднимались все блюстители религиозной нравственности. В 1894 г. сообщалось, что миссионер специально ездил в дер. Топольную «производить дознание по делу о совращении татарским муллой православной русской девушки в магометанство»²⁰.

Таким образом, если даже браки с единоверцами, но из другой национальной среды, не были повсеместным и широко распространенным явлением у народов Средней Азии и Казахстана, то браки между лицами, принадлежавшими к разным вероисповеданиям, в условиях дореволюционной действительности не только рассматривались как противоречащие религиозным воззрениям, но и навлекали на этих лиц серьезные санкции, вплоть до тюремного заключения. Такие браки становились «законными» только при условии отказа от своего вероисповедания. Е. М. Пещерева сообщила, что мусульмане также не чинили препятствий смешанным бракам, если иноверец принимал ислам. Имелись случаи перехода русских мужчин в мусульманство — их полностью принимали мусульмане в свое общество.

После Великой Октябрьской социалистической революции перемены в этой области быта наступили не сразу. Взгляды на брак менялись очень медленно, религиозные предрассудки и национальная изолированность еще оказывали в течение длительного времени свое отрицательное влияние. И все же социально-экономические условия были уже иными, и это не могло не отразиться на отношении к межнациональным бракам. Такие браки встречали поддержку и сочувствие со стороны органов советской власти, на их основе возникали и укреплялись смешанные семьи.

В 1952 г. мы получили возможность близко познакомиться с семьей киргиза Чалагыза Иманкулова, проживавшей в гор. Фрунзе. Глава семьи — выходец из сел. Сазановки (ныне — Ананьево) Иссык-Кульского района. В 1919 г. в сел. Темировка, где в то время жил Чалагыз, приехал из Ташкента Сазонт Васильевич Артеменко с семьей. Его вскоре избрали председателем сельского совета, его сына Петра — секретарем. Чалагыз познакомился и сдружился с семьей Артеменко. Когда Артеменко заболел, Чалагыз отправил его к знакомым на летние пастбища на кумыс. Артеменко поправился. Он уважал молодого киргиза, считая, что Чалагыз спас его от смерти.

Чалагыз работал в это время в Кредитном товариществе. Но у него было другое призвание: он был музыкантом — исполнителем народной музыки на «комузе»²¹. Его охотно приглашали на различные семейные торжества.

У Артеменко были сыновья и единственная дочь Анна. Часто встречаясь с Чалагызом, бывавшим в их доме, Анна привыкла к нему, но о выходе за него замуж и не думала. Чалагыз полюбил русскую девушку и все чаще говорил ей о своем желании жениться на ней. Кончилось тем, что он добился согласия Анны убежать с ним и стать его женой. Бег-

¹⁹ С. Борисов, Из записок Большеарымского стана Киргизской миссии за 1893 год, «Православный благовестник», 1894, т. III, № 17, сентябрь, кн. 1-я, стр. 39.

²⁰ «Православный благовестник», 1894, т. I, № 4, февраль, кн. 2-я, стр. 159.

²¹ «Комуз» — трехструнный щипковый инструмент типа лютни, наиболее популярный у киргизов.

ство Анны с киргизом было для того времени (это было в 1926 г.) исключительно важным событием. Опасаясь, что их найдут и разлучат, Анна и Чалагыз скитались около 10 дней в горах. В это время отца Анны не было дома. Вернувшись домой и узнав о происшедшем, он сказал: раз уж так случилось, пускай живут. Когда беглецы вернулись в поселок, родственники Чалагыза помогли им устроить временную юрту, а позднее они собрали войлоки и поставили для молодых настоящую юрту. Они очень полюбили Анну и не осуждали Чалагыза. Только его мать вначале смотрела на этот брак очень неодобрительно, но в дальнейшем примирилась с ним, стала относиться к невестке тепло и приветливо. К этому времени Анна уже свободно говорила по-киргизски.

Родители и старшие братья Анны долго не могли свыкнуться с тем, что их единственная дочь и сестра вышла замуж за Чалагыза, считая, что он ей не пара. В течение трех лет они не хотели встречаться с Анной, но потом вызвали ее к себе (она явилась к ним с ребенком) и помирились с нею. В то время Чалагыз с женой жили очень скромно. Основной заработок Чалагызу давала его исполнительская деятельность на комузе. Родители выделили Анне в приданое корову, лошадь, 8 овец и различные домашние вещи. Жить стало легче.

В начале 1930-х гг. Чалагыз переехал с семьей в г. Фрунзе. С 1936 г. работал в Киргизской государственной филармонии им. Токтогула Сатылганова.

Анна Сазонтовна (в киргизской среде ее называли Нуриля) очень деятельная, живая, открытая русская женщина, занималась домашним хозяйством, воспитанием детей. Ко времени нашего знакомства с нею и было шестеро. Старшая дочь — Мария (или Макиш)²² была уже замужем за киргизом Курманом Урмамбетовым. Они вместе учительствовали в Южной Киргизии, у них был ребенок.

Любопытно, что брат Чалагыза — Кыздарбай тоже женат на русской женщине. В 1952 г. у него было двое детей: Касым (14 лет) и Александр (11 лет). Его семья жила в колхозе «Кызыл Бирлик» в Прииссык-кулье.

Благодаря осуществлению ленинской национальной политики, благодаря тому, что бывшее недоверие между народами все более сменялось полным взаимным доверием, национальная отчужденность исчезала, браки между представителями разных национальностей Средней Азии и Казахстана в довоенный период имели отчетливую тенденцию к росту. За отсутствием сведений в литературе по более крупным народам Средней Азии воспользуемся статистическими данными, относящимися к немногочисленному арабскому населению, обследованному И. Н. Винниковым. Эти данные представляют тем больший интерес, что они относятся к той группе населения, которая, как указывалось выше, отличалась в прошлом строгой эндогамностью. Среди обследованных в 1936 и 1938 гг. 487 семей арабов было выявлено 82 смешанных семьи, что составило 16,8% по отношению ко всему числу семей.

По национальному признаку эти браки распределялись так: жена — узбечка — 49; жена — таджичка — 26; жена — казашка — 3; жена — туркменка — 2; жена — русская — 1; муж — таджик — 1²³.

Анализируя браки между арабами и представителями других национальностей, И. Н. Винников отмечает, что более или менее широкое распространение такие виды браков получили только в последние годы

²² Интересно, что все остальные дети Анны Сазонтовны тоже имели по два имени: одно — киргизское (Азийза, Сулайка, Амантур, Болот, Саламат), другое — русское (использовавшееся в домашнем быту или в школе (Зина, или Зоя, Соня, Шурик, Боря Саша)).

²³ И. Н. Винников, Указ. раб., стр. 17.

благодаря постепенной ликвидации вековой национальной изолированности²⁴.

В среде других народов Средней Азии и Казахстана в довоенный и особенно послевоенный периоды браки между представителями местных национальностей стали довольно обычными. Отмечались браки узбеков с казашками, каракалпачками и особенно с татарками²⁵. Как сообщила нам в 1939 г. А. Л. Троицкая, узбеки женились очень охотно на татарках, так как они считались более культурными. Это явление зафиксировано позднее и в рабочей среде²⁶. Узбекские девушки также выходили замуж за представителей этих национальностей. По свидетельству Е. М. Пещеревой, и таджики часто женятся на татарках²⁷. Получили еще более широкое распространение смешанные браки каракалпаков Хорезмского оазиса с казахами²⁸. Ферганские каракалпаки вступают в брак с девушками других национальностей. Хотя и редко, но встречаются уже случаи выхода каракалпачских девушек за некаракалпаков²⁹. Смешанные семьи теперь распространены и среди казахов³⁰. В экспедиционных материалах, собранных в 1949 г. в Чуйском районе Джамбулской области Казахской ССР Г. Н. Валихановым, отмечается, что молодым казахам не препятствуют жениться на девушках других национальностей. Среди киргизов также можно гораздо чаще, чем раньше, встретить семьи, где жена — узбечка, татарка и т. д., а киргизские девушки выходят замуж за казахов, таджиков, узбеков и др. Уже не осуждаются, как это было в прошлом, браки дунганских юношей и девушек с киргизами, казахами, татарами, узбеками и др.³¹ Есть случаи женитьбы узбеков на арабах, что раньше совершенно не имело места, отмечены и узбекско-цыганские, и цыганско-узбекские семьи. Многие рабочие-цыгане в г. Бухаре женаты на узбечках, таджичках, татарках, русских³². Такие браки стали возможны в результате перехода цыган от бродячего к оседлому образу жизни.

Особенно следует отметить, что даже в отдаленных селениях различных районов Средней Азии и Казахстана зафиксированы браки с представителями других национальностей, не исповедующих мусульманскую религию, прежде всего с девушками и женщинами — славянками: русскими, украинками, белорусками. Появление таких браков, участвовавших в военные и послевоенные годы, свидетельствует о серьезных переменах в психологии местного населения, о коренных преобразованиях в национальных отношениях. Играет свою роль и нередко наблюдаемое равнодушное отношение местной молодежи к религиозной стороне брака. О семьях, образовавшихся в результате смешанных браков, сообщают этнографы, изучавшие быт народов Средней Азии и Казахстана (М. А. Бикжанова, Е. М. Пещерева, К. Л. Задыхина, Л. С. Толстова, Г. Н. Валиханов, Л. Шинло, В. В. Востров, А. Джумагулов)³³, об этом

²⁴ И. Н. Винников, Указ. раб., стр. 18.

²⁵ К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 407; О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова, Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955, глава «Семья в колхозе» (автор М. А. Бикжанова), стр. 198.

²⁶ К. Л. Задыхина, Этнографические материалы о быте рабочих-узбеков Ташкента и Андижана, «Среднеазиатский этнографический сборник», II, Труды Ин-та этнографии, Новая серия, т. XLVII, М., 1959, стр. 128.

²⁷ «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства», стр. 174.

²⁸ Т. А. Жданко, Указ. раб., стр. 42—43.

²⁹ Л. С. Толстова, Указ. раб., стр. 166.

³⁰ Г. Н. Валиханов, Современный быт казахского колхозного аула, Автореферат диссертации, М., 1952, стр. 15.

³¹ Л. Шинло, Указ. раб., стр. 10.

³² Г. П. Снесарев, Среднеазиатские цыгане, «Краткие сообщения Института этнографии», вып. XXXIV, 1960, стр. 28.

³³ В. В. Востров, Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области (историко-этнографический очерк), Труды Института истории, археологии и эт-

же говорят и наши собственные материалы и наблюдения киргизского быта. Однако случаи выхода замуж девушек из местных национальностей за немусульман относительно редки. На этом явлении нам придется остановиться ниже.

Некоторое число (местами большинство) смешанных семей сложилось в годы Великой Отечественной войны (или вскоре после ее окончания), в период пребывания уроженцев Средней Азии и Казахстана в рядах Советской Армии. Бывшие солдаты и офицеры привозили своих жен из различных пунктов Украины, Белоруссии и других территорий, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков, из Карелии, Ленинграда, Волгограда, Воронежа, Свердловской области и т. д. Нередко женами воинов становились медицинские сестры или санитарки, окружавшие их сердечной заботой во время пребывания в госпиталях или сопровождавшие их из госпиталей на родину, крестьянские девушки из сел, где их будущие мужья действовали как десантники и партизаны.

Были случаи, когда женами бойцов становились русские девушки, спасшие им жизнь. Так было с киргизом К. Каракашевым, приехавшим после демобилизации в село Тамаровку, под Курском, и женившимся на Любе Мирошниковой, которая в свое время спрятала его от немцев и выходила после тяжелого ранения³⁴.

Возвращаясь на родину после продолжительной работы на промышленных предприятиях, стройках, с учебы, некоторые киргизы, казахи, каракалпаки и др. также приезжали с русскими женами. Знакомство и дружба во время совместной работы и учебы приводили к бракам с русскими девушками и в самих республиках Средней Азии и Казахской ССР. Были даже случаи «уводов» (по сговору) совсем молоденьких русских девушек (в Узбекистане, Киргизии). Следует добавить, что нам известны браки киргизов с женщинами и других национальностей: француженкой, немкой, мордовкой и др.

Некоторые из киргизов до женитьбы на русской женщине состояли в браке с женщинами своей национальности, затем разошлись с ними. В отдельных случаях нельзя не признать обособанным подобный разрыв, особенно если обстоятельства складывались так, как у киргизского колхозника Ыйманбека Бекишева³⁵. Его женили раньше в порядке левирата на Салый — вдове двоюродного брата отца, которая была на 18—20 лет старше Ыйманбека. В 30-летнем возрасте он разошелся с Салый, расторгнув противоестественный брак, и женился на русской женщине — Марии. Салый продолжала бывать в доме Ыйманбека на правах родственницы. К Марии относилась дружелюбно.

Смешанные семьи, в которых жены — русские, украинки, можно чаще встретить в среде местной национальной интеллигенции, но они получили распространение и среди рядовых колхозников, рабочих, трактористов, шоферов и др. Русские женщины из смешанных семей обычно либо трудятся на производстве, либо работают педагогами, агрономами, руководителями колхозных детских садов и т. п.

Этнографы отмечают, что русских женщин в семьях местных национальностей в большинстве случаев встречали радушно, с ними вскоре устанавливались хорошие отношения, родные мужа оказывали молодым материальную помощь³⁶. Г. Н. Валиханов приводит в рукописи своей

нографии Академии наук Казахской ССР, в. 3, 1956, стр. 87; А. Джумагулов, Семья и брак у киргизов Чуйской долины, Фрунзе, 1960, стр. 72—73.

³⁴ А. Джумагулов, Указ. раб., стр. 72—73.

³⁵ Записано в колхозе «Кызыл-Кыргызстан» Джумгалского района Тянь-Шаньской области Киргизской ССР в 1948 г.

³⁶ М. А. Бикжанова, Семья в колхозах Узбекистана, Ташкент, 1959, стр. 113, 114; В. В. Востров, Указ. раб., стр. 87.

диссертации «Современный быт казахского колхозного аула»³⁷ слова сестры колхозника-казаха, имеющего русскую жену: «Мы полюбили невестку за ее чистую душу, за ее стремление сохранять единство нашей семьи». Привезенную одним демобилизованным воином в колхоз им. Карла Маркса Кеминского района Киргизской ССР русскую женщину киргизы-колхозники приняли очень доброжелательно. Она установила со всеми сердечные отношения. С матерью мужа (он у нее единственный сын) она жила дружно, относилась к ней с уважением³⁸. Жена рабочего-навалоотбойщика угольной шахты в г. Сулюкта (Киргизская ССР) киргиза Мадамина Алимбаева, Екатерина, пользуется уважением со стороны родных и соседей мужа. Они ценят в ней отзывчивость и простоту³⁹. Как нам рассказывала Александра Никитична, жена киргиза-преподавателя Бейше Адылбаева⁴⁰, вначале соседи чуждались ее, а позднее стали признавать «своей», часто заходить к ней. Иначе и не могло быть. Достоин самого глубокого уважения поступок Александры Никитичны по отношению к четырем младшим братьям и сестрам мужа, оставшимся во время войны сиротами. Когда она приехала в колхоз, все они были плохо одеты, оборваны, грязны, ходили полуголодные. Она стала для них второй матерью: выходила их всех, одела, накормила. Незадолго до нашего знакомства один из братьев Бейше (колхозник) уже женился, но продолжал жить одной семьей с братом, второй был студентом Пржевальской медицинской школы, а две сестры учились в седьмом и в шестом классах сельской школы. Дети уважали и слушались Александру Никитичну. Ее воспитанницей была также двухлетняя Кюлюкан — дочь сестры Бейше, жившей в соседнем селе, которую Бейше и Александра Никитична удочерили в 8-месячном возрасте.

Теплые отношения русских женщин с родственниками их мужей, с соседями, прочные связи с окружающей средой подтверждают, что национальные и религиозные предубеждения постепенно изживаются, и в этом, как мы видели, немалая заслуга принадлежит самим русским женщинам. Эта прочность связей выражается в таких фактах, какой, например, имел место в одном из узбекских колхозов: после смерти мужа узбека Турахона Каримова Ольга Пучкова с двумя детьми осталась жить и трудиться в том же колхозе, среди тех людей, с которыми успела сдружиться⁴¹.

Вместе со своими мужьями-таджиками переселились из высокогорного Матчинского района в Голодную степь (Ленинабадская область Таджикской ССР) их русские жены. Почти в каждом из переселенческих колхозов трудятся по несколько смешанных (таджикско-русских) семей⁴².

По-видимому, утверждение К. Л. Задыхиной о том, что старики-родители в большинстве случаев не мешают молодежи вступать в международные браки⁴³, можно отнести не только к узбекам. Один из старейших киргизских рабочих-шахтеров, ныне пенсионер Кайымбай Мысапиров поделился с К. Мамбеталиевой⁴⁴ мыслями о своем младшем сыне, находящемся на службе в Советской Армии. Он написал отцу,

³⁷ Рукопись хранится в архиве Института этнографии АН СССР в Москве.

³⁸ Сообщение З. Белековой, 1948 г.

³⁹ Из рукописи диссертации К. Мамбеталиевой, посвященной быту киргизских рабочих-шахтеров, стр. 300—301 (хранится в Институте истории Академии наук Киргизской ССР).

⁴⁰ Записано в сел. Сару Джеты-Огузского района Киргизской ССР в 1952 г.

⁴¹ М. А. Бикжанова, Семья в колхозах Узбекистана, стр. 113.

⁴² Сообщила Мукаддам Хамиджанова, аспирантка Академии наук Таджикской ССР.

⁴³ К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, стр. 407.

⁴⁴ Из рукописи диссертации К. Мамбеталиевой, стр. 302.

что полюбил русскую девушку, и задает вопрос: что скажут родители, если он привезет ее с собой? По словам Кайымбая, жена вначале не проявляла положительного отношения к желанию сына, но потом согласилась. Родители решили после приезда сына предоставить ему новый дом, который они строили недалеко от своей теперешней квартиры.

Однако нельзя закрывать глаза на то, что в некоторых случаях родственники мужчины, находящиеся в плену старых представлений, не хотели примириться с его женитьбой на русской, делали попытки оказать на него давление и добиться ее отъезда. Иногда эти попытки увенчивались успехом. Один демобилизованный воин привез русскую жену и дочь в киргизский колхоз «Кызыл-Байрак» Кеминского района. Мать, отец и другие родственники восстали против этого брака. По их настоянию, он через несколько месяцев разошелся с женой. Забрав ребенка, она уехала на родину⁴⁵. В одной из статей, опубликованных в киргизской печати, автор приводит следующий факт: «Я знаю юношу киргиза — студента одного из московских вузов. Он полюбил русскую девушку. Но, вернувшись домой, он не выдержал нажима и уговоров родителей и родственников, разошелся с ней, а через некоторое время по выбору родителей сошелся с нелюбимой девушкой. С тех пор человека словно подменили: он всегда удручен, раздражителен, тоскует по любимому человеку. А всему виной — малодушие; он не проявил твердости, поддался отсталым взглядам»⁴⁶.

Можно отметить с удовлетворением, что все же большинство местной молодежи не проявляет такого малодушия, не идет на поводу у людей, сознание которых не освободилось от устаревших взглядов на брак. В рукописи указанной диссертации Г. Н. Валиханов сообщает, что в один из казахских колхозов Кокчетавской области демобилизованный приехал с фронта с русской женой. Вначале родственники предлагали ему отправить жену обратно, давали даже деньги, но он ответил категорическим отказом, а его мать заявила: «мой сын — моя сноха». Другой случай: приехав с фронта, киргиз Омурзаков поселился с русской женой в Джумгалском районе Тянь-Шаньской области, где начал работать директором школы. Его родные стали требовать, чтобы он бросил русскую жену. Он не уступил этим требованиям и вместе с женой и ее матерью уехал из района.

Как сообщает К. Л. Задыхина, в колхозе им. Кирова Ходжейлинского района Кара-Калпакской АССР узбекская женщина договорилась с родной сестрой поженить дочь сестры и своего сына, который должен был вернуться из армии. Брак между детьми двух сестер (между «буле») по местным обычаям очень одобрялся. Готовилась свадьба. Но сын приехал с женой-украинкой. Мать, у которой он поселился, протестовала против этого брака. Но сын твердо заявил, что на «буле» он не женится и будет жить с женой. Сестрам пришлось отказаться от осуществления своих планов и выдать девушку замуж за другого колхозника⁴⁷. В той же диссертации Г. Н. Валиханова приводится характерный случай. Имевший русскую жену казах-колхозник А. К. познакомился с одной казашкой и решил жениться на ней. Его родители решительно запротестовали. Семейным конфликтом заинтересовались работники Райкома и Райисполкома, стали выяснять — кто виноват в разводе. Родители заявили: сын женился по любви, привез жену издалека, если он ра-

⁴⁵ Сообщение З. Белековой, 1948 г.

⁴⁶ Н. Кулматов, В творческом труде складывается характер нового человека, газ. «Советская Киргизия», 5 октября 1961 г.

⁴⁷ К. Л. Задыхина, Характеристика развития культуры узбеков дельты Аму-Дарьи по материалам экспедиции 1946—1948 гг. (рукопись, стр. 24; хранится в архиве Ин-та этнографии Академии наук СССР).

зойдется с нею, мы отказываемся от сына, пускай идет куда хочет. Под влиянием общности и родителей А. К. отказался от своего намерения и семья была сохранена.

Наблюдатели отмечают, что новые смешанные семьи обычно дружные, крепкие, супруги в них живут счастливо, в большом согласии, уважают друг друга⁴⁸. Этому способствует наличие во многих семьях детей, причем нередко в семье бывает по 2—3 ребенка. Детям уделяется много внимания и заботы. Единственный ребенок, особенно мальчик, является всегда общим любимцем не только в семье, но и среди ближайших родственников. Мы убедились, побывав в 1952 г. в семье Джалара Юсупова, преподавателя Киргизского государственного университета в г. Фрунзе, что все четверо детей хорошо воспитаны, вежливы. Их мать — Вера Николаевна поощряет интересы детей, стремится развивать их способности. Старший сын Султан, девятиклассник, увлекался физикой, запоем читал художественную литературу, уделял время рисованию, фотографии. Сюзанну мать научила хорошо вышивать, Виолетта (Вета) одновременно с общеобразовательной школой посещала детскую музыкальную школу. Для нее было специально куплено пианино. Четверо детей воспитываются и в дружной семье известного казахского композитора Бакиджана Байкадамова (Алма-Ата), женатого на дочери прославленного героя Великой Отечественной войны генерала И. В. Панфилова — Валентине Ивановне⁴⁹.

Учатся дети преимущественно в русских школах или в русских группах смешанных школ, иногда — в национальных школах. Детям дают и русские, и местные имена, чаще — первые. Иногда, как в описанной выше семье Чалагыза Иманкулова, детей называют в семье и по-русски, и одним из местных имен. Так, в узбекской семье мальчика называли Геннадием и Гани, девочку — Шурой и Шарapat⁵⁰. Особенно часто детям, имеющим русские имена, присваивают одно из местных имен родители и родственники мужа. Как сообщила Е. М. Пещерева, часто данное сначала местное имя позднее — в детском саду, в школе — заменяется русским.

По отношению к детям соседей и родственников русские женщины проявляют такое же теплое отношение, как и местные женщины. Мы наблюдали, как русская женщина в киргизской семье заботилась о ребенке брата мужа, ухаживала за ним, прививала членам семьи навыки регулярного кормления детей.

В смешанных семьях обычно все их члены владеют двумя языками, и дети в большинстве случаев умеют говорить и на языке отца, и на языке матери. Однако в семье не всегда разговаривают на обоих языках. Так, в семье Ч. Иманкулова по-киргизски с детьми говорит только отец, между собой и с матерью дети говорят по-русски. В городских семьях, как правило, говорят только на русском языке.

Когда ребенок еще совсем маленький, его учат произносить «мама», «папа», немного подросши он начинает путать, говорит то «мама», то (по-киргизски) «апа» или «эне», повторяя то, что слышит вокруг себя. Затем уже происходит переход к двуязычию. Быстрому усвоению языка отца наряду с русским способствует то, что ребенок часто общается с его родственниками, а иногда проводит много времени с матерью отца. Иная картина в семьях, где живет бабушка по матери.

Большинство русских женщин хорошо осваивается с местным языком и не только свободно разговаривает на нем, но употребляет даже специфические для данного языка интонации, междометия, пользуется

⁴⁸ М. А. Бикжанова, Семья в колхозах Узбекистана, стр. 113, 114; В. В. Воронцов, Указ. раб., стр. 87.

⁴⁹ См. газету «Советская Киргизия», 17 октября 1961 г.

⁵⁰ М. А. Бикжанова, Семья в колхозах Узбекистана, стр. 113.

местными поговорками и т. п. Часто по языку русскую женщину уже почти невозможно отличить от женщины местной национальности. С мужем она разговаривает чаще всего по-русски, но если живет вместе с родителями мужа, при них разговаривает на их языке.

Но не только язык сближает русских женщин с окружающей средой. Особенно тесный контакт устанавливается с нею, когда русская женщина соблюдает некоторые, не унижающие ее достоинства, местные обычаи, в частности касающиеся обращения с родными мужа. В киргизско-русской семье при обращении к родителям мужа русские женщины иногда употребляют киргизские термины «ата» (отец) и «эне» (мать), к старшему брату мужа — «аке», к его жене — «дженге», к младшему брату мужа — «чонг бала» (или по имени, иногда просто — «мальчишка»). В свою очередь старший брат мужа называет ее «келин» (невестка), младший — «дженге» или по имени. По имени называют русскую женщину и все окружающие. Так, Александру Никитичну Адылбекову все колхозники называют Шурой. Однако совсем излишним надо считать такое пунктуальное соблюдение обычаев, как отказ русской женщины назвать свою фамилию (по имени отца мужа) подобно некоторым местным женщинам, еще соблюдающим запрет произносить имя отца мужа (и всех его старших родственников), строго обязательный в прошлом. С таким случаем нам пришлось однажды столкнуться.

Чрезвычайно любопытно взаимное обращение тех, кто имеет русских жен. У киргизов мужья родных сестер называют друг друга «баджа» (свояк). Два киргиза-учителя, у которых жены — русские (но совсем не родственницы), употребляли при обращении друг к другу тот же термин «баджа»⁵¹. Тот факт, что их жены одной национальности, вызывал у них представление о том, что они свойственники, близкие.

По наблюдениям М. А. Бикжановой, русские женщины и татарки в узбекских семьях в некоторых случаях продолжали сохранять привычный образ жизни, в других, наоборот, перенимали бытовые навыки окружающей среды⁵². Наши данные, относящиеся к смешанным семьям у киргизов, как и материалы по Казахстану, тоже свидетельствуют о значительном разнообразии бытового уклада в таких семьях. Прежде всего нужно подчеркнуть, что русская женщина обычно оказывает большое культурное влияние на весь семейный быт. Это, однако, не мешает тому, что она, как говорилось выше, нередко воспринимает некоторые местные бытовые особенности. Поэтому домашний быт во многих семьях, возникших в результате межнациональных браков, носит смешанный характер, в нем отчетливо выявляются и черты русской культуры, и местные национальные особенности. В городских же семьях, особенно в семьях интеллигенции и рабочих, часто господствует вполне характерная для городских русских семей бытовая обстановка.

В двухкомнатной квартире киргиза Тулегена Асульбаева, горного мастера, которую мы посетили в 1954 г. в шахтерском городе Кызыл-Кия (Киргизская ССР), меблировка и убранство не отличаются от того, что мы видели в домах русских рабочих. В этом сказывается, конечно, влияние жены Тулегена — Натальи Ивановны. В квартире имелись и деревянная детская кроватка, и приемник, и гитара, и небольшие картины на стенах, и портьер на двери, и этажерка с книгами и патефоном. Но на полу лежал киргизский коврик из козьей шкуры. В доме уже упомянутого Чалагыза Иманкулова, с его городской обстановкой, представлены такие аксессуары киргизского быта, как «джук» (сложенные стопкой возле стены постельные принадлежности, войлоки и т. п.), «туш

⁵¹ А. Джумагулов, Указ. раб., стр. 73.

⁵² М. А. Бикжанова, Семья в колхозах Узбекистана, стр. 114.

кийиз» (настенные ковры — панно, украшенные ручной вышивкой), «кёлдёлёнг» (подстилка на полу из овчины). В сельской местности в домах, где живут смешанные семьи, еще более усиливается сочетание предметов городского русского быта с традиционными вещами домашнего производства, характерными для местной национальной среды. Но и в том, что в доме есть русская печь (ее, например, сделал русский мастер в доме Б. Адылбекова), что перед домом высажены цветы, а среди предметов убранства мы находим кружевные скатерти, занавески, накидки, дорожки и т. п., видно прямое влияние и заботливая рука русской женщины.

Русские или украинские женщины в большинстве случаев пищу готовят по-русски — не только в городе, но и в сельских местностях, особенно если семья живет в русском окружении или в пункте, где имеется много русских семей. Там, где семья живет в однородной национальной среде (а иногда и в городах), довольно часто готовят национальные блюда. Как правило, русские женщины научились готовить все наиболее излюбленные национальные блюда: плов, особо приготовленную баранину с лапшой, жареное мясо — «куурдак» и др., многие пекут лепешки в хлебной печи или в котле, делают к чаю «боорсок» — местное лакомство в виде кусочков теста, вареных в жире.

Благодаря влиянию русской культуры, а также усилиям русских женщин, в хозяйственной жизни смешанных семей, работающих в колхозах, появилось немало новшеств, которые внесли большое разнообразие в их пищевой рацион. На приусадебных участках выращиваются картофель и другие овощи: капусту, морковь, помидоры, редис, огурцы, лук и др., которые до последнего времени редко культивировались у таких народов, как казахи и киргизы.

Русские женщины сохраняют, как правило, свою привычную одежду, обычно и все члены такой семьи одеваются по-городскому. Иногда женщины придерживаются и некоторых местных обычаев: надевают узбекское платье или носят дома иную национальную одежду, повязывают платок, как и окружающие женщины, поверх русского платья накидывают безрукавную одежду местного типа и т. п.

Восприятием навыков местного населения в пище, одежде и т. п. связи русских женщин с новой национальной средой не ограничиваются. Одна из них заявила нам: «на родине я жила по своему закону, а здесь должна жить по-ихнему». Русские женщины обязательно угощают каждого проходящего в их дом по местным обычаям. Если на родине некоторых из них не имели отношения к лошадям, то, живя в киргизском аиле, они стали свободно и уверенно ездить верхом по любым кручам.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что браки с женщинами других национальностей — немусульманками, становятся среди народов Средней Азии и Казахстана обычным явлением, а сами эти женщины, внося в семейный быт много положительных культурных навыков, в то же время сближаются с местной национальной средой.

Значительно сложнее обстоит дело с выходом замуж девушек местных национальностей за немусульман. В этих случаях приобретают большую силу религиозные предрассудки. Нередко они превращаются в неодолимое препятствие для брака⁵³. Отсталые элементы пытаются воздействовать на общественное мнение, чтобы не допустить подобных браков. Их влияние на женскую среду оказывалось подчас значительно эффективнее, чем на мужскую, чем и объясняется небольшое пока число смешанных браков этой категории.

⁵³ В этом направлении действуют, по-видимому, и другие причины, в частности имеющие большую древность социально-бытовые традиции, осуждавшие выдачу девушек замуж в иноплеменную среду.

Как ни противоестественно это звучит, но отрицательное отношение к бракам киргизских девушек с русскими еще недавно было распространено и среди части местной интеллигенции. К сожалению, аналогичное отношение к таким бракам иногда встречается и среди некоторых других местных национальностей.

Отдельные передовые женщины уже давно стали бросать вызов консервативным взглядам в своей среде. Одна из них — киргизка Турсун Осмонова. Родившись в семье бедняка, она росла сиротой, голодала. В 13-летнем возрасте была продана за калым и стала второй женой. Не выдержав издевательств со стороны мужа, Турсун ушла из семьи, стала работать по найму. После Октябрьской революции она добровольно вступила в Токмакский продовольственный отряд. Став первой коммунисткой среди женщин г. Токмака, Турсун в дальнейшем была активной участницей борьбы за раскрепощение женщин. Работала заведующей женотделом, в 1927 г. была избрана членом ЦИК Киргизской АССР, в 1930 г. — назначена наркомом социального обеспечения⁵⁴. Турсун вышла замуж за русского, жила с ним очень хорошо около десяти лет. В 1943 г. ее муж умер. Подобного рода браки женщин местных национальностей с немусульманами имели место и в других среднеазиатских республиках.

В последнее время отмечается несколько большее число браков девушек местных национальностей Средней Азии и Казахстана с немусульманами, хотя они еще и не столь часты. В г. Душанбе и других городах Таджикистана имеется уже целый ряд смешанных семей, возникших в результате браков таджикских девушек с русскими, а также семьи, в которых таджичка замужем за латышем или осетином, европейским евреем и т. п. Большинство этих браков имеет место в среде интеллигенции⁵⁵. В колхозе им. Ленина (Таласская долина, Киргизская ССР) преподаватель русского языка в местной школе — еврей по национальности, в течение 15 лет живший в этой местности, женился на киргизской девушке-сироте⁵⁶.

На киргизской девушке — Айше Асылбековой из колхоза им. Ленина Джумгалского района женился кореец Никон Николаевич Нигай, живший в Киргизии много лет и хорошо владеющий русским и киргизским языками. Со своей будущей женой Нигай познакомился будучи преподавателем семилетней школы. Когда мы были у Нигая в 1948 г., ему было 26 лет, Айше — 19. Его мать немного говорила по-русски, но киргизского языка не знала. Айша (ее в семье называли Асей) могла, хотя и не свободно, говорить по-русски, корейского не знала. Языком внутрисемейного общения стал русский. По последним нашим сведениям, у Нигая было двое детей: сын Мирослав и дочь Лора. С родственниками жены Нигай находился в очень дружественных отношениях.

Приходится все же признать, что в целом эта разнородность смешанных браков находится в самой зачаточной стадии. Преодолеет большое сопротивление со стороны приверженцев старой идеологии, прежде чем межнациональные браки будут происходить на двусторонней основе.

Тем не менее, все сказанное о смешанных браках дает основание расценивать это явление нашей действительности как прогрессивное и имеющее тенденцию к дальнейшему развитию. Большое прогрессивное значение смешанных браков состоит в том, что они служат одним из кана-

⁵⁴ По воспоминаниям Т. Осмоновой, приведенным в рукописи диссертации Т. Р. Ташевской «Женское образование в Киргизии (1918—1950 гг.)», стр. 53—55 (хранится в Государственной Публичной библиотеке им. В. И. Ленина); см. также Д. Апышев в «Женщины Киргизии — активные строители коммунизма, Фрунзе, 1961, стр. 10.

⁵⁵ Сообщение М. Хамиджановой, 1962 г.

⁵⁶ Сообщение научного работника А. Ф. Бурковского, 1948 г.

лов, пусть и относительно узких, сближения социалистических наций и народностей. Возникающие в результате этих браков семьи в той или иной степени оказывают положительное влияние на семейный быт окружающего населения. Смешанные семьи нередко выполняют своеобразную функцию проводников новых взаимоотношений между членами семьи, умелого семейного воспитания детей, более передовых форм домашнего быта и т. п. К бытовому укладу этих семей пристально присматриваются местные национальности Средней Азии и Казахстана, перенимая все ценное из их опыта. Положительную роль таких браков, несмотря на все трудности и сложность возникающих вокруг них коллизий, можно считать доказанной.

Очевидно, что распространению смешанных браков способствовала многолетняя и упорная работа Коммунистической партии и комсомола по воспитанию нового поколения в духе преданности идеям интернационализма, дружбы народов. Усиливающиеся контакты и тесное сотрудничество различных народов Средней Азии и Казахстана между собой и с народами братских республик Советского Союза на всенародных стройках и в районах освоения целины играют огромную роль в росте смешанных браков. Этому явлению, как одной из многообразных форм сближения наций и упрочения дружбы народов, предостой большое будущее.

Сама идеология советского общества способствует все более быстрому изживанию таких пережитков прошлого, как расовые, национальные и религиозные предрассудки. В этом отношении полную противоположность представляют те из западных стран, в которых политика расовой дискриминации является неотъемлемой частью общественной системы. В наиболее откровенной форме эта политика проводится в США. Она ярко проявляется и в нормах американского брачного и семейного права, запрещающего смешанные браки. Так, законодательство 31 штата содержит абсолютный запрет браков между белыми и неграми (в том числе мулатами), а во многих штатах также между белыми и малайцами, китайцами, индейцами и японцами. Вступившим в такие браки угрожает многолетнее тюремное заключение⁵⁷.

Разумеется, не может быть и речи об искусственном ускорении процесса образования смешанных семей, он должен протекать как совершенно естественный. Однако нельзя и игнорировать этот процесс, закрывать глаза на его теневые стороны, упускать из вида отрицательное влияние отсталых идеологических взглядов на вопрос о межнациональных браках. Вокруг таких браков, несомненно, будет в дальнейшем формироваться общественное мнение, которое осудит отжившие обычаи и нравы. В своем докладе «О Программе Коммунистической партии Советского Союза», сделанном на XXII съезде КПСС, товарищ Н. С. Хрущев указал, что укреплению интернациональных уз между народами СССР способствуют «дружные многонациональные коллективы, где работников оценивают не по цвету кожи, не по языку, а по отношению к труду, по их борьбе за коммунизм»⁵⁸. Именно этот критерий оценки людей будет играть все большую роль и в вопросах брака и семьи.

Советские этнографы еще очень мало сделали для изучения этой важной стороны семейно-брачных отношений. Приведенные в настоящей статье данные отражают весьма скромные результаты исследований этой темы у народов Средней Азии и Казахстана. Между тем в этой области быта, как мы видели, происходит и скрытая, и открытая борьба нового со старым. Этнографы могут и должны своими исследованиями помочь и здесь победе нового над старым.

⁵⁷ Н. В. Орлова, Вопросы брака и развода в международном частном праве, М., 1960, стр. 20—21.

⁵⁸ Н. С. Хрущев, Указ. фаб., стр. 190.

SUMMARY

One of the major tasks put forward by the new Programme of the Communist Party of the Soviet Union in the sphere of relations between nations, is the coming together of the socialist nations. Prominent among the diverse forms of this coming together is growing intermarriage between the representatives of different nationalities and religious creeds and the emergence on this basis of mixed families.

In Central Asia and Kazakhstan marriages of this type existed on a limited scale prior to the Great October Socialist Revolution, but they were almost invariably restricted to the Muslim population. Following the October Revolution, intermarriage became somewhat more frequent; a marked rise was registered in the latter years of the Great Patriotic War and in the post-war period. Of especial interest is the growing rate of marriages between men of the indigenous nationalities and Russian, Ukrainian and other non-Muslim women. The emerging mixed families exert a beneficial influence on the way of life of the local population. Marriages between girls from among the indigenous population and men belonging to non-Muslim nationalities are so far comparatively rare.

The process of the formation of mixed families has progressive importance and merits all-round support. Research conducted by ethnographers may help to promote this form of bringing together different nations.
